

Отзыв

официального оппонента на диссертацию
Мажитовой Жанны Сабитбековны
на тему «Институт биев в российской и казахстанской историографии:
компаративный анализ (XVIII – XXI вв.)»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических
наук, по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и
методы исторического исследования

Актуальность диссертационного исследования Ж.С. Мажитовой сомнений не вызывает. В условиях роста национального самосознания в Республике Казахстан усиливается внимание к истории народа. К сожалению, исторические события многими историками интерпретируются достаточно вольно, зачастую в гипертрофированном виде, когда исследователи стараются приукрасить и «удревнить» историю, привлекая тенденции к героизации. Для того, чтобы разобраться в той или иной проблеме, необходим взвешенный анализ исторического прошлого, основанный на изучении не только трудов историков разного периода, но и сопоставление взглядов историков разных стран. Задача историографического исследования состоит в том, чтобы не только продемонстрировать интерес к данной проблеме в разные периоды существования государства, но и разобраться в ее существе.

Предметом научного интереса соискателя стал институт биев, который является уникальным явлением не только казахстанской, но и всей мировой истории. Аналогов существования подобного социального института не существует, поскольку в основе формирования и развития казахов, как титульной нации, лежала кочевая культура. Как подчеркивает диссертантка, проблема института биев всегда вызывала интерес исследователей, этот вопрос постоянно находился в центре их внимания (стр.5). Однако отношение к нему было неоднозначным, порой противоречивым. Единого комплексного историографического труда так и не было создано. Исследование Мажитовой призвано восполнить этот пробел. В

этом состоит научная новизна и значимость диссертации, т.к. впервые тщательно историографическому анализу на компаративной основе подвергнута очень важная в истории Казахстана проблема.

К достоинству работы следует отнести то, что автор не ограничилась только историографическим анализом проблемы, но и самостоятельно изучила исторические источники, что позволило не только выработать собственный взгляд на проблему, но и более объективно проанализировать работы исследователей разных периодов. Вообще исторический анализ необходим в историографических работах, т.к. это способствует созданию более объективной картины рассматриваемого вопроса. Диссертанткой изучены документы большого количества архивов не только российских и казахстанского, но и Центрального государственного архива Республики Узбекистан, в котором сосредоточены материалы по Туркестанскому генерал-губернаторству. Интересно, что для создания более полной картины «биеведения» используется даже фольклор (стр.31).

Обращает на себя внимание убедительная аргументация автора, почему научная проблема института биев не стала объектом исследования историков ни в дореволюционное, ни в советское время. Похвально желание автора подняться над идеологической составляющей работ разных периодов.

Диссертация хорошо структурирована, главы классически систематизированы по периодам. Первая глава носит методологический характер, демонстрируя смену дискурсов по рассматриваемой проблеме. На наш взгляд, данная глава определяет методологические принципы всех трех периодов, поэтому она как бы предвещает рассмотрение проблемы в хронологическом плане. Автор отмечает два основных подхода к реформированию нормативного поля казахов в досоветский период – либеральный, т.е. растворение местных судебных обычаев в русском праве, и «полиюридический» - переход казахов к русскому праву (стр.56-59). Вывод диссертантки, основанный на изучении источников – русская реформа суда

успехом не увенчалась, и адат продолжал использоваться в судебной практике казахов (стр.61).

Для советского периода характерна более частая смена дискурса, что, по мнению диссертантки, связано со становлением советской науки. В 20-30-х гг. XX в., когда еще не устоялись идейные взгляды, в исторической науке наблюдалось много объективного. Отношение к биям в это время было достаточно лояльным. Но к середине 30-х гг. происходит окончательная смена дискурса от просветительского подхода к классовому, и родовые предводители начинают оцениваться отрицательно. В 50-х гг., когда по предложению академика М.В. Нечкиной господствующей становится формула «добровольного присоединения» народов к России, бии попадают в разряд реакционных сил. 60-80-е гг. – господство советской идеологии, когда дореволюционная историография становится непопулярной, проблема биев-эксплуататоров также попадает в разряд ненужных. Следует отметить, что автор исследования, несмотря на критику советского периода, подчеркивает достоинства работ исследователей, что свидетельствует о профессиональном такте.

В современной российской и казахстанской историографии автором подчеркивается большой диапазон мнений. Исследователем указано существенное различие в изучении дореволюционной истории российскими и казахскими исследователями. Если первые уделяют внимание имперской проблематике, то вторые в основном сосредоточены на колониальной зависимости присоединенных территорий в результате их завоевания Россией (стр.89). Повышение интереса к институту биев в казахстанской историографии, по мнению диссертантки, обусловлено с одной стороны, исследованием правовой системы кочевого общества, а с другой - утверждением цивилизационного подхода к объяснению исторических явлений, в центре которого находится цивилизация степных кочевников. С данной трактовкой следует согласиться, т.к. кочевое общество представляет собой совершенно особый тип с присущими только ему социально-

экономическими отношениями. Рост внимания исследователей к истории биев автор диссертации также видит в личностном характере традиционной власти, основанной на авторитете (стр.93) и персонифицировании казахстанской истории. Таким образом, по мнению автора, история биев вышла на современном этапе на новый уровень развития.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена дореволюционной историографии вопроса, которая, по мнению соискателя, внесла весомый вклад в изучение вопроса об институте биев. Это было первое серьезное научное исследование проблемы. Автор считает, что на пути своего становления дореволюционная историография прошла два этапа. Для первого этапа с XVIII в. до 1820 г. присущ сбор эмпирического материала, труды в основном носили описательный характер. Для этого периода также характерно стремление авторов показать необычность, инаковость кочевого казахского мира. Второй период 1820-1917 гг. охарактеризован автором, как переход к практическому востоковедению, для которого характерен качественный подъем научных исследований.

Следует отметить системность и хронологическую последовательность изложения материала диссертантом. Обращает на себя внимание подробное рассмотрение суда биев, основанное на изучении автором архивных источников. Проанализировав работы дореволюционных историков об институте биев, диссертантка приходит к заключению, что в их характеристике исследователи придерживались противоречивых позиций. Одни считали, что для выборов бия существенную роль играли его морально-нравственные качества, другие склонялись к выводу о силе и богатстве его рода.

Российские реформы сформировали два подхода к суду биев: либерального, т.е. интеграция бийских судов в российскую систему, и официального – их ликвидация. Мнения исследователей проблемы также разделились, в особенности этому способствовало принятие «Временного положения» 1867-68 гг., началась острая полемика вокруг суда биев –

оставлять ли им прежние прерогативы. Но в начале XX в. начался ускоренный переход к унификации русского права, и вопрос о бийском суде сам по себе сошел на нет. К этому времени бийские суды основывались не только на адате, но и на шариате. Утверждение автора о том, что в начале XIX в. казахи уже были исламизированы, подтверждается ссылками на архивные документы.

На основе анализа досоветских исследований диссертантка приходит к выводу, что в них доминировали две точки зрения – имперская, т.е. необратимость включения местных правовых практик в имперское нормативное поле, и национальная, предлагающая сохранить традиционные институты (с.168).

Проанализировав работы русских исследователей досоветского периода, исследователь приходит к убеждению о преувеличении незрелости казахского общества в их работах. В то же время русскую администрацию больше устраивал суд биев своей приверженностью к адату, т.к. адатное право считалось более приемлемым для постепенной инкорпорации в русскую правовую систему, нежели шариат. Отсюда, по мнению диссертантки, симпатии российских историков к суду биев. К началу XX в. процессуальные нормы под воздействием русского права существенно видоизменились (стр.201). Объединение казахского и русского права по утверждению соискателя привело к полной неразберихе. Тем не менее, несмотря на то, что дореволюционные историки не совсем верно понимали казахское право, благодаря их исследованиям историческая наука получила сведения о традиционных правовых институтах казахского общества.

Третья глава посвящена советской историографии проблемы института биев. Поскольку в первой главе автором уже отмечалось, что именно в этот период историографическая трактовка подверглась особенно большим видоизменениям, глава так и озаглавлена: «Метаморфозы советской историографии». Диссертантка отмечает, что до установления советской власти суд биев сохранялся, как альтернатива и помощь российскому

законодательству, он был узаконен и с ее установлением. Однако в 1920 г. Нарком юстиции КАССР упразднил бийские суды, как антисоветские (стр.209).

Автором предложена собственная периодизация советской историографии исследуемой проблемы, основанная на анализе рассмотренной литературы. Первый период обозначен с 1917 по 30-е гг. XX в., второй – середина 30-х – 50-е гг., третий – середина 50-х – 80-е гг. Для каждого периода характерны свои концептуальные подходы, на которые существенное влияние оказывала идеологическая установка правительства и партии. Диссертантом весьма удачно показан логичный переход от объяснения взаимоотношений России-метрополии и Казахстана-колонии, как «абсолютного зла», затем «наименьшего зла», и, в конечном итоге утверждения «добровольного присоединения народов к России» в связи с приобщением среднеазиатских народов к революционной борьбе русского пролетариата. В первый период в советской историографии появились два направления – сторонники родовой теории, предполагавшие, что у кочевников не было феодализма, и сторонники классовой теории.

Для второго периода характерно утверждение классовой теории. Появившаяся критика и обвинения в идеализации национального движения казахов, направленного против русских, вынуждала историков быть осторожнее. Соискателем продемонстрировано, как под влиянием идеологического прессинга точка зрения о «добровольном присоединении» становится определяющей и единственно верной, что лишило многих историков необходимости творческого поиска. Однако автор далек от осуждения советской историографии. Напротив, она считает, что советская историография внесла большой вклад в развитие вопроса. Ряд умозаключений, сделанных в тот период, актуален и в настоящее время. Таким образом, автору удалось избежать конъюнктуры в оценке советского периода.

Вместе с тем в советской историографии окончательно складывается негативная оценка роли биев. Это было характерно для работ третьего периода. Ученые в основном склонялись к выводу о специфичности классового общества у казахов-кочевников, а суд биев рассматривали, как «оружие, приспособленное для угнетения народных масс» (стр.300). По мнению автора, проблематично говорить об эволюционном характере историографического процесса в советский период (стр.470). В этом с исследователем следует согласиться.

В четвертой главе рассматриваются основные концептуальные положения института биев в российской и казахстанской историографии. Положительным моментом их рассмотрения является деление всей современной историографии на тематические блоки, что позволяет проследить точки соприкосновения и существенные различия в трудах ученых.

Результатом анализа всей имеющейся в распоряжении соискателя литературы стали следующие выводы автора. Остается спорным вопрос о времени возникновения суда биев. Предметом интереса современных ученых стало рассмотрение структуры суда биев, чего не наблюдалось ни в досоветской, ни в советской историографии. У современных казахстанских ученых отсутствует единая точка зрения по поводу того, кто мог являться соискателем на звание бия. Автор на основе всестороннего анализа имеющейся литературы делает вывод о существовании двух основных точек зрения: должность бия являлась наследной и бием мог стать любой человек, пользующийся авторитетом и знающий законы. Не ограничиваясь констатацией подобных гипотез, автор делает свой собственный вывод: закрытой бийской группы не существовало, однако традиции бийства в семьях сохранялись.

Очень важным является вопрос о влиянии российских реформ на адатное право кочевников-казахов. Актуальность вопроса возрастает в связи с продолжающейся в историческом сообществе центральноазиатских

историков дискуссии о том, каковы были последствия присоединения к России. Проведя тщательный анализ трудов казахстанских исследователей, автор приходит к мнению о существовании двух основных точек зрения: 1 – традиционные правовые институты были разрушены в результате российских реформ; 2 – реформы были необходимы. К сожалению, по этому важнейшему вопросу соискателем не была высказана собственная точка зрения.

Не менее важным является вопрос о функциях биев. Здесь автор тоже приводит две точки зрения исследователей: 1 – бии обладали широкими полномочиями в управлении общиной; 2 – бии являлись представителями только судебной власти. Диссертантка отмечает однобокий подход современных историков к институту бийства и считает, что современные исследователи не в полной мере определяют функциональные особенности биев (стр.389). Отмечая роль биев во внешней государственной политике, автор указывает на недостаточную изученность современными исследователями архивных документов (стр.390). Также указано, что многие аспекты деятельности биев еще не стали предметом специального исследования (стр.393). Исследователем отмечается также роль биев в формировании культуры казахского народа.

Результатом проведенного компаративного анализа всей имеющейся в распоряжении автора литературы казахстанских и российских исследователей явился вывод автора о том, что российские и казахстанские историки имеют как точки соприкосновения, так и вопросы, по которым они являются непримиримыми оппонентами. Например, российские реформы историки России считают необходимой мерой, тогда как казахстанские историки склонны видеть в них причины начавшихся негативных процессов.

Автор диссертации убеждена, что рассмотрение проблемы института биев только выиграет в результате интеграции усилий российской и казахстанской историографии. Выход она видит в стремлении российских и

казахстанских исследователей отойти как от имперских, так и от национальных нарративов.

Весьма ценным и интересным является анализ немногочисленных трудов по казахской истории западноевропейской и американской историографии. Обращение автора к данному виду литературы является необходимым, т.к. без этого не будет полной историографической картины проблемы института биев, тем более, что сейчас наблюдается сближение методологических установок и тематики исследований зарубежной и отечественной историографии при сохранении различий источниковой базы. В небольшом параграфе, посвященном зарубежной литературе, отмечены концепции исследователей в досоветское, советское время и в современный период. Автор отмечает неоднородность западной литературы по проблемам социальной истории казахов. Отмечая вклад зарубежной историографии, исследователь считает, что она необходима для создания всесторонней картины. В поле зрения зарубежных исследователей, по мнению автора, попали вопросы, игнорируемые современными исследователями. В числе таких вопросов соискатель называет, например, вопрос о «пассивном сопротивлении» нерусских народов Российской Империи (стр.451).

Выводы автора, приведенные в заключении, обоснованы. Автор указывает на ряд проблем по истории бийства, которые нуждаются в дальнейшей разработке.

К числу несущественных замечаний можно отнести наличие повторов в различных частях диссертации. В третьем параграфе первой главы, посвященном методологическому поиску современной историографии, большой пласт текста посвящен критике советской историографии, что здесь вряд ли уместно. Вряд ли оправданно излишнее увлечение автора народным фольклором для характеристики биев. Несмотря на детальное изучение архивных документов, при проведении компаративного анализа автор не всегда приводит собственную точку зрения на ту или иную проблему.

Однако данные замечания не умаляют достоинств работы и носят рекомендательный характер.

На сегодняшний день диссертационное исследование Ж.С. Мажитовой представляет собой первый обобщающий труд по историографии института бийства. Оно вполне отвечает современным требованиям научного исследования на соискание ученой степени доктора исторических наук. Содержание диссертации отличается новизной и оригинальностью, свидетельствует о способности автора самостоятельно на основе выполненных исследований формулировать и обосновывать научные положения.

Диссертация и автореферат Ж.С. Мажитовой оформлены в соответствии с правилами, установленными ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Автореферат отражает основные положения и выводы диссертации и позволяет составить полное представление о проведенном исследовании. Диссертация прошла необходимую апробацию. Ее результаты отражены в 46 публикациях, среди которых 19 статей в научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ для публикации результатов научных положений. Создан полезный историографический труд, автор которого заслуживает присвоения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

31 августа 2016 г.

Доктор исторических наук, профессор,
Профессор кафедры «Социально-культурная
деятельность» Поволжского
государственного университета
сервиса (г. Тольятти)

С.Н. Брежнева

Место работы: ФГБОУ ВО Поволжский государственный университет
сервиса (г. Тольятти)

Должность: профессор кафедры «Социально-культурная деятельность»

Адрес: 445017, г. Тольятти, ул. Гагарина – 4; тел. (8482) 26-35-38; E-mail:
office@tolgas.ru

